
ВОПРОСЪ О ЖИЗНИ на Марсѣ.

(Продолженіе).

7.

На предыдущихъ страницахъ было изложено все существовавшее, что сказано по вопросу объ обитаемости Марса. Нужно быть очень предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть, что эта обитаемость есть проблема, а не фактъ. Доказательствъ обитаемости Марса на самомъ дѣлѣ не имѣется. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что Марсѣ необитаемъ. Нельзя отрицать возможности не только обитаемости Марса, но и Луны. Фламмаріонъ въ послѣднемъ изданіи своей популярной астрономіи, выходящей теперь на русскомъ языкѣ, настаиваетъ на этой возможности, онъ допускаетъ и существованіе атмосферы на Лунѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ возможность жизни и безъ атмосферы. Но область возможностей безконечна. Хотѣлось бы знать не то, что можетъ быть, а то, что есть. Католикъ Жуанъ знаетъ это безъ изслѣдованія, утверждая a priori, что міры обитаемы. Свободомыслящій Уолдъсъ послѣ изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что міры необитаемы. При чемъ тотъ и другой утверждаютъ, что міры нужны: по первому—для ихъ обитателей; по второму—для сообщенія устойчивости солнечной системѣ. Къ этой телеологіи присоединяются утвержденія, что христіанская религія предполагаетъ обитаемость міровъ и что христіанскою религіею отрицается обитаемость міровъ.

Во всемъ этомъ нужно теперь разобраться. Изъ всѣхъ изложенныхъ нами авторовъ Ортоланъ является наиболѣе пол-

нымъ и объективнымъ. Правда, его книга вышла уже давно (1894 г.), но съ тѣхъ поръ въ наукѣ не появилось ничего существенно новаго по данному вопросу, а Священное Писаніе, понятно, осталось неизмѣннымъ. Вотъ почему, сосредоточивая разборъ главнымъ образомъ на ней, думается, лучше всего можно освѣтить изслѣдуемый вопросъ.

Ортоланъ счумьль сдѣлать изложеніе своей книги интереснымъ даже въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ должно бы было вѣять холодомъ алгебраическихкихъ формулъ и гдѣ должны бы царствовать сухія ариѳметическія вычисленія. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы быть болѣе кратокъ, но читатель охотно проститъ ему его лирическія длинноты и порою даже отступленія, потому что они не только не утомляютъ, но напротивъ, оживляютъ книгу и болѣе приковываютъ къ ней читателя.

Такова внѣшняя сторона книги. Ея содержаніе свидѣтельствуеетъ о широкомъ и разностороннемъ образованіи автора. Докторъ богословія и каноническаго права, авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ св. Писаніемъ и твореніями св. отцовъ. Нѣкоторыя изъ его выписокъ изъ отеческихъ твореній приведены нами. Онъ обнаруживаетъ и нѣкоторую начитанность въ астрономіи и физикѣ. Во всякомъ случаѣ элементами этихъ наукъ онъ овладѣлъ настолько, что во всей его книгѣ на протяженіи болѣе 450 страницъ нельзя указать ни одного промаха по отношенію къ общепризнаннымъ истинамъ науки о небѣ. Скажутъ, что это—похвала отрицательная, но скажемъ мы, какою бы она ни была, она можетъ выпасть на долю далеко не всѣхъ апологетовъ, даже запада. У католиковъ, къ которымъ принадлежитъ Ортоланъ, есть два рода апологетовъ: богословы и натуралисты, первые часто обнаруживаютъ незнание съ наукою, противъ разрушительныхъ выводовъ которой направляютъ свое оружіе, вторые—иногда совершенно незнакомые съ богословіемъ (это бываетъ и съ аббатами, напр., съ Буржуа, Делонэ)—дѣлаютъ такія уступки гаданіямъ ученыхъ, на которыя не можетъ пойти богословъ. Ортоланъ чуждъ этихъ крайностей, онъ—богословъ, но не отворачивается спиною и отъ естествознанія. Однако нельзя сказать, чтобы тотъ естественно-научный багажъ, которымъ онъ пользовался при написаніи своей книги, былъ очень обилентъ и чтобы

онъ по отношенію къ нему не обнаруживалъ нѣкотораго чрезмѣрнаго увлеченія, которое невыгоднымъ образомъ отразилось на его книгѣ.

Главными пособіями Ортолана были „астрономія“ Ньюкомба и Энгельмана и книга Фая „о происхожденіи міра“. Астрономіи Ньюкомба Ортоланъ могъ довѣриться вполне, но онъ напрасно также безусловно довѣрился и предположеніямъ Фая. Критика Фая вполне основательна, но его собственные взгляды очень гипотетичны. Ортоланъ, повидимому, слѣдуетъ Фаю, когда доказываетъ, что всѣ планеты нашей системы кромѣ земли должно представлять необитаемыми, и аргументація этого тезиса, какъ у Фая, такъ и у Ортолана, является очень сильной. Но Ортоланъ напрасно слѣдуетъ Фаю, когда говоритъ о возрастѣ планетъ, о происхожденіи міровъ, о возникновеніи солнечной системы. Утвержденія Фая Ортоланъ называетъ „современной наукой“, но это—не наука, а только гипотезы одного изъ служителей науки, гипотезы, кстати нужно замѣтить, среди ученыхъ вовсе не имѣющія послѣдователей. Это смѣшеніе гипотезъ съ общепризнанными истинами производитъ невыгодное впечатлѣніе. Оно особенно неудобно въ сочиненіи богословско-аологетическомъ, менѣе чѣмъ кто-либо, богословъ долженъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія. Но у Ортолана есть эта слабость. Увлекаясь гаданіями Фая, онъ увлекается еще гипотезою мірового эфира. Изъ этой гипотезы онъ, какъ мы видѣли, готовъ объяснить и взаимодѣйствіе души съ тѣломъ, и воскресеніе тѣла, и ихъ прославленіе. Но, вѣдь, эфиръ только физическая гипотеза, которая—кто знаетъ—можетъ быть, скоро станетъ ненужной. Гипотеза эфира состоитъ въ предположеніи, что пространство между тѣлами и пустоты въ тѣлахъ наполнены атомами особаго рода. Эти атомы невѣсомы, абсолютно тверды или абсолютно упруги, не оказываютъ сопротивленія двигающимся въ средѣ ихъ тѣламъ и обуславливаютъ собою свѣтъ, теплоту, электричество, а по мнѣнію многихъ (повидимому, и Ортолана) и притяженіе. Нетрудно видѣть, что въ представленіи этихъ атомовъ заключается много противорѣчиваго: твердость тѣла—удобно объясняется, какъ слѣдствіе частичнаго притяженія, здѣсь, наоборотъ, явленія притяженія хотятъ объяснить толчками твердыхъ тѣлъ. Эфиру приписываютъ способность сво-

ими толчками сообщать движеніе тѣламъ и отказываютъ ему въ способности сопротивляться ихъ движенію. Эта необходимость приписывать эфиру противорѣчивыя свойства побудила многихъ компетентныхъ физиковъ отрицать реальность его существованія. Эфиръ отрицалъ Клаузіусъ. Въ настоящее время Оствальдъ (химикъ) съ своею гипотезою энергетизма тоже идетъ противъ эфира. У физиковъ и химиковъ начинаетъ вырабатываться убѣжденіе, что для объясненія явленій нѣтъ нужды прибѣгать къ проблематическому эфиру, что механическую связь между явленіями можно выразить математической формулой, вообще не обращаясь къ гипотезамъ. Правда, имѣются и горячіе приверженцы теоріи эфира (у насъ та кимъ былъ покойный Столѣтовъ), но ихъ число далеко не такъ велико, чтобы Ортоланъ въ своихъ смѣлыхъ сужденіяхъ о преобразованіи тѣлъ праведниковъ могъ опереться на нихъ.

Для раскрытія мысли, что ученіе о воскресеніи и прославленіи тѣлъ не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго и логически и фактически невозможнаго, Ортолану нужно было обращаться не къ научнымъ предположеніямъ, а къ тому, что наука дѣйствительно знаетъ о веществѣ, его различныхъ состояніяхъ и преобразованіи его свойствъ въ этихъ состояніяхъ. То, что мы называемъ твердыми, жидкими или газообразными тѣлами, представляетъ собою лишь частное проявленіе намъ въ своей сущности невѣдомаго субстрата, который при другихъ условіяхъ можетъ явиться совсѣмъ подъ другими формами, и мы знаемъ массу явленій, которыя доказываютъ, что такія формы возможны и дѣйствительно существуютъ. Уже Круксъ своими работами надъ разрѣженными газами показалъ это. Матерія можетъ являться не только подъ образомъ темной, инертной массы, но и въ видѣ свѣтоноснаго, обладающаго абсолютною проницаемостію начала. Лучи Рентгена, излученія радія подтверждаютъ это. Наконецъ, распространившійся недавно слухъ о томъ, что Рамзаю удалось при помощи электрическихъ разрядовъ получить изъ водорода гелій, а изъ соединенія гелія и кислорода—неонъ (атомный вѣсъ гелія=4, 0; кислорода=16, 0; неона 19, 9=въ сущности суммѣ двухъ первыхъ) также подсказываетъ мысль о возможности такихъ преобразованій матеріи, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ. Разу-

мѣтся, на всѣхъ этихъ фактахъ нельзя построить научной теории воскресенія тѣлъ, но они совершенно заграждаютъ уста тѣмъ, которыя говорятъ: „это невозможно“, они не открываютъ истины, но они указываютъ уму въ ту далекую сторону, гдѣ находится истина предчувствуемая сердцемъ.

Увлекаясь гипотезами, Ортоланъ готовъ искать подтвержденія ихъ въ св. Писаніи. Указаніе на существованіе эфира онъ видитъ въ книгѣ Іова (XXVI, 7). Пропецие должно бы было его научить, какъ опасно утверждать гипотезы на авторитетѣ Библии, но онъ не хочетъ вразумиться этимъ. Послѣ прекрасныхъ разсужденій о томъ, что въ Библии не можетъ быть научно, а непременно должно быть человѣкообразно изложено ученіе о мірѣ и его происхожденіи, онъ начинаетъ усердно искать въ Библии указаній на сферичность земли, ея движеніе вокругъ оси и вокругъ солнца. Но если въ Библии описываются явленія такъ, какъ они представляются чувственному взору простаго человѣка, а не умственному взору ученаго, то тогда, кажется, совершенно напрасно искать въ ней указаній на то, какъ на самомъ дѣлѣ совершаются событія и явленія. Языкъ Библии, это языкъ, которымъ говорило и всегда будетъ говорить человѣчество. „Солнце взошло, луна зашла“, это—выраженія, отъ которыхъ не могутъ отдѣляться не только люди простые, но и ученые. Астрономы говорятъ: „солнце вступило въ меридіанъ“, „прямое восхожденіе звѣзды“, никто не сомнѣвается относительно смысла этихъ терминовъ и не упрекаетъ астрономовъ за неточность выраженія. Астрономы однако, если бы захотѣли, могли замѣнить ихъ другими болѣе правильно выражающими ихъ мысль, но въ Библии не могутъ быть поставлены другія выраженія: она предназначена для всѣхъ людей, а не для однихъ только тѣхъ, которые получили астрономическое образованіе. Библия поэтому описываетъ явленія такъ, какъ они кажутся, представляя мудрымъ и простымъ—каждому по своему—опредѣлять ихъ дѣйствительный характеръ. „И остановилось солнце, и луна стояла“ (Ис. Нав. X, 13), читаемъ мы въ Библии. Странникъ птолемеевой теории пойметъ эти слова буквально, послѣдователь Коперника истолкуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что земля на время прекратила свое движеніе вокругъ оси, кто-нибудь, можетъ быть, предложитъ теорію по-

степеннаго усиленія рефракціи, вслѣдствіе котораго, хотя земля и продолжала свое движеніе, усиливающаяся преломляемость атмосферы заставляла жителей Палестины видѣть солнце все на одномъ мѣстѣ. Могутъ предложить и другія объясненія. Что было на самомъ дѣлѣ, извѣстно одному Богу. Но въ чемъ состояло явленіе съ внѣшней стороны, это изъ описанія Библии понятно всякому, и для религіозныхъ цѣлей это только и нужно. Ортоланъ находитъ въ Библии указанія на полюсы, ось земли и ея вращенія, но древность съ тѣми выраженіями, на которыя указываетъ онъ, соединяла совсѣмъ другой смыслъ, и ему или нужно было доказать, что богодухновенные писатели употребляли эти выраженія въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляемъ ихъ мы, или совсѣмъ не ссылаться на нихъ. Древніе думали, что небо вращается на твердой оси, концы которой вертѣлись въ неподвижныхъ гнѣздахъ. У Витрувія есть описаніе всего этого небеснаго механизма, имѣющаго не только гнѣзда для оконечностей оси, но еще спицы, подобныя спицамъ колеса, служащія для вращенія неба, Анаксагоръ полагалъ, что въ началѣ всѣ свѣтила обращались около зенита (значитъ, онъ не зналъ, что каждое мѣсто имѣетъ свой зенитъ), и, слѣдовательно, ось неба была вертикальна по отношенію къ землѣ, впослѣдствіи она наклонилась ¹⁾. Должно признать, что эти концепціи—теперь безусловно отвергнутыя—гораздо ближе подходятъ къ Библейскому тексту, чѣмъ новыя теоріи. Это понятно. Ученія древнихъ исходили изъ того начала, что вещи на самомъ дѣлѣ таковы, какими они кажутся. Библия описываетъ то, что кажется, отсюда совпаденіе Библейскихъ описаній съ древними космогоническими и космологическими представленіями.

Библия не отрицаетъ теорію Коперника точно такъ же, какъ эту теорію не отрицаютъ наблюдаемые нами явленія (движенія солнца, звѣздъ, планетъ), но если изученіе явленій даетъ основанія для признанія коперниковской системы, то вовсе нельзя сказать, чтобы изученіе Библии вело къ тому же выводу. Еще ни одинъ богословъ не сдѣлалъ открытія на основаніи Библии. На самомъ дѣлѣ, если бы Би-

¹⁾ Араго. Общепонятная астрономія перев. Хотинскаго. 1861 г. Т. I Кн. VI. Мнѣніе древнихъ объ оси міра.

блѣя въ своихъ повѣствованіяхъ о природѣ представляла бы точно дѣйствительность. то тогда она не могла бы описывать ее не только въ выраженіяхъ Птолемея, но и Коперника, Философія учить насъ, что матерія, движеніе, пространство и время, совсѣмъ не то и не таковы, какими они намъ кажутся. Все это только образы вещей невидимыхъ. Міропостроеніе Коперника такъ же субъективно, какъ и міропостроеніе Птолемея. Здѣсь только измѣнена точка зрѣнія. Библія—независимо отъ теорій—описываетъ намъ кажущуюся вселенную, вселенная дѣйствительная откроется намъ по исполненіи временъ.

Ортоланъ по отношенію къ научнымъ предположеніямъ любитъ употреблять такой приемъ. Библія, у него, уже учить о томъ, что лишь предполагаетъ наука. Онъ *утверждаетъ это относительно обитаемости міровъ*. Наука не имѣетъ основаній настаивать на этой обитаемости, но нѣкоторые тексты Библии, по Ортолану, заставляютъ предполагать ее. Мы думаемъ, что современное знаніе—именно современное—должно бы было воспрепятствовать Ортолану держаться высказанныхъ имъ предположеній. Совершенно вѣрно его утвержденіе, что св. Писаніе учить, что число всѣхъ разумныхъ существъ вселенной неизмѣримо больше числа обитателей земли. Но несомнѣнно также, что св. Писаніе кромѣ людей признаетъ еще лишь одинъ родъ разумныхъ существъ—ангеловъ, духовъ безплотныхъ, и имѣющихъ природу, совершенно отличную отъ нашей. Древніе могли помѣщать ангеловъ на солнцѣ и звѣздахъ, ибо могли предполагать, что природа этихъ свѣтилъ совершенно иная, чѣмъ природа нашей земли. Но спектральный анализъ учить насъ, что весь матеріальный міръ созданъ по единому образу и подобию, что все множество міровъ образовано изъ однихъ и тѣхъ же 70—80 химическихъ элементовъ, которые мы находимъ на землѣ (до 90-хъ годовъ XIX вѣка на землѣ не были найдены гелій—элементъ открытый при помощи спектрального анализа на солнцѣ,—но потомъ нашли и его въ клеветѣ, въ эманціяхъ радія, наконецъ въ водородѣ) и что природа существъ, если таковыя существуютъ на другихъ мірахъ, должна быть подобна земной. Жители небесныхъ міровъ должны быть вѣсомы точно такъ же, какъ и обитатели земли, они не могутъ переходить изъ одного.

пункта въ другой, не проходя посредствующаго пространства. отождествлять ихъ съ ангелами или относить къ нимъ слова Откровенія относительно ангеловъ невозможно. Должно признать, что Библия ничего не говоритъ ни объ обитаемости, ни о необитаемости небесныхъ свѣтилъ. Ничего о нихъ въ сущности не говоритъ и наука. Вопросъ этотъ доселѣ обыкновенно рѣшаютъ сердцемъ, а не умомъ. Такъ рѣшаетъ его и Ортоланъ.

Настаивая на томъ, что въ Библии излагается ученіе о мірѣ, которое только въ настоящее время становится достояніемъ науки, Ортоланъ, намъ кажется, руководился нѣкоторыми ошибочными предвзятыми положеніями, которыя нерѣдко въ западной апологетической печати высказывались въ послѣднее время. Именно, Ортоланъ руководился убѣжденіемъ, что въ глубокой древности культура стояла очень высоко, что многія завоеванія новаго времени были достояніемъ древности. Это убѣжденіе явилось, какъ реакція противоположной крайности—высокомѣрно-пренебрежительному отношенію къ знаніямъ древнихъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о допотопной мудрости поднятый Жуаномъ, мы вполне согласны съ Ортоланомъ и другими, что это высокомѣрное отношеніе свидѣтельствуетъ о крайне невысокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ такъ относящихся. Мы всемъ обязаны древнимъ, и древніе ничѣмъ не обязаны намъ. Не говоря уже о философіи, при помощи самыхъ ничтожныхъ средствъ древніе совершили великія открытія въ области точныхъ наукъ, которыя легли въ основаніе нашихъ сужденій о природѣ. Но потомки были бы недостойны предковъ, если бы не поплы далѣе ихъ. Постройки египтянъ, ихъ практическія (но не научныя) познанія въ области медицины и химіи заслуживаютъ законнаго удивленія и нѣтъ никакой нужды приписывать еще египтянамъ знанія въ области космографіи и математики, которыми они на самомъ дѣлѣ не владѣли. Но Ортоланъ, настаивая на высокомъ образованіи Моисея, воспитаннаго во всей мудрости египетской, смѣло превращаетъ эту мудрость въ совокупность обширныхъ точныхъ познаній. Нельзя послѣдовать за нимъ. Современная египтологія располагаетъ достаточнымъ матеріаломъ, чтобы опредѣлить кругъ и границы познаній египтянъ во времена Моисея. Они оказываются далеко не обширными.

Прежде всего Ортоланъ не правъ, утверждая, что Моисей воспитывался при дворѣ фараона въ самое цвѣтущее время египетской культуры. Цвѣтущее время отстываетъ далеко назадъ—къ эпохѣ XII династии, а Моисей жилъ по всей вѣроятности при XIX. Говоримъ: по всей вѣроятности, потому что при имѣющихся данныхъ нельзя точно опредѣлить время Моисея и дату исхода. Прежде Рамзеса II называли фараономъ преслѣдованія и полагали, что исходъ произошелъ при его преемникѣ Меренфѣ. Теперь это мнѣнiе должно быть отвергнуто. Таблицы открытыя въ Тельэль-амарна показываютъ, что во времена Меренфты евреи жили уже въ Палестинѣ. Но во всякомъ случаѣ отодвигать дату ихъ исхода на значительное время отъ Меренфты нельзя. Чему же могъ научиться въ это время Моисей въ Египтѣ?

Египтяне представляли страну свою средоточіемъ міра, сердцемъ Кеба, обращеннаго головой къ священному югу, Ниль они представляли вытекающимъ изъ двухъ дыръ. Было у нихъ еще представленіе, что міръ есть огромный островъ, имѣющій форму параллелипипеда, окруженный горами, поддерживающими желѣзный небесный сводъ. При такихъ представленіяхъ, конечно, они никакимъ образомъ не могли вычислить правильно ни объема земли ни ея вѣса.

Египтяне много занимались астрономіей. У нихъ во многихъ городахъ были обсерваторіи (въ Дендерахъ, Тини, Мемфисѣ, Гелиополисѣ и др.), на которыхъ жрецы внимательно наблюдали за всѣми явленіями, происходившими на небѣ. Но эти наблюденія представляли собою скорѣе эстетическое созерцаніе, чѣмъ образцы научнаго изслѣдованія. Лучшимъ доказательствомъ ограниченности астрономическихъ познаній египтянъ служить ихъ календарь. Въ глубокой древности они дѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ. Невѣрность этого счисленія не замедлила обнаружиться. Тогда они къ 360 днямъ года прибавили еще 5 сверхгодичныхъ или эпагоменныхъ дней. Объ этой прибавкѣ у нихъ сложился такой мифъ. Богиня Нуть имѣла связь съ Себомъ. Ра (богъ солнца), узнавъ объ этомъ, околдовалъ ее такъ, что она не могла разрѣшиться отъ бремени ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ какого бы то ни было года. Но Тотъ, любившій богиню, сталъ играть въ кости съ Луною и выигралъ у ней шестидесятую часть каждаго дня, изъ чего

составилъ 5 дней и прибавилъ ихъ къ 360. Однако и эта романтическая прибавка, уменьшивъ разницу между гражданскимъ годомъ египтянъ и годомъ астрономическимъ, не уничтожила ее совсѣмъ: гражданскій годъ у нихъ былъ на $\frac{1}{4}$ сутокъ меньше астрономическаго, и 1461 годъ гражданскій равнялся 1460 годамъ астрономическимъ. Времена года, время разлива Нила, посѣва и жатвы должны были у египтянъ передвигаться съ однихъ мѣсяцевъ на другіе. Если бы они дѣйствительно умѣли производить астрономическія вычисления и обладали астрономическими познаніями, у нихъ не случилось бы этого.

Развитіе астрономіи обусловливается степенью развитія математики. Отъ XIX династіи до нашего времени дошелъ математическій трактатъ, показывающій, что египтяне въ области чистой математики не сдѣлали большихъ успѣховъ. Они были хорошими практическими геометрами, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ пирамиды и храмы, но они были недалекими теоретиками. Ихъ мѣры были менѣ совершенны, чѣмъ, наприм., мѣры вавилонянъ. Въ области теоріи они не возвысились даже до признанія въ общемъ видѣ теоремы Пифагора (квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ). Съ благоговѣйнымъ изумленіемъ они открыли, что если одинъ катетъ будетъ равенъ—3, другой—4, то гипотенуза будетъ равна 5. ($3 \times 3 + 4 \times 4 = 5 \times 5$), они признали этотъ треугольникъ священнымъ, 3 у нихъ стало означать Озириса,—4—Изиду, 5—Гора, но они не подумали обобщить это открытіе ¹⁾.

Египтяне были народъ практики, они не совершали отдаленныхъ путешествій на землѣ и не проникали далеко въ

¹⁾ О невысокомъ состояніи наукъ у египтянъ можно найти свѣдѣнія у Вругша, Лелсіуса, М. Мюллера, Эйзенлора и другихъ. Замѣчательно, что ихъ геометрическія представленія, какъ это открывается изъ землемѣрныхъ надписей на храмѣ въ Эдфу и изъ папируса Ринда, стояли гораздо ниже даже ариѳметическихъ ихъ теорій. Вычисленіе площадей у нихъ прямо утверждалось на невѣрной теоремѣ (равенства площадей при равенствѣ периметровъ). Сравнительно съ значительнымъ приближеніемъ они вычислили квадратуру круга. По папирусу Ринда сторона квадрата равновеликаго площади круга равна $\frac{8}{9}$ діаметра такъ, что отношеніе окружности къ діаметру (π) у нихъ выходило равнымъ 3, 16 на самомъ дѣлѣ оно 3, 14159265...

областяхъ моря. Моисей немного могъ пріобрѣсти у нихъ космографическихъ познаній. Вліянія египетскаго образованія должно было бы сказаться на его произведеніяхъ фантастическими представленіями устройства міра и его происхожденія. Но онъ писалъ не подъ диктовку египетскихъ жрецовъ, а подъ водительствомъ Святаго Духа. Св. Духъ не открылъ ему тайнъ земли и неба, но, видимый Имъ, онъ не написалъ ничего ошибочнаго ни о небѣ, ни о землѣ.

Сверхъестественное воздѣйствіе охранило Моисея отъ естественныхъ заблужденій. Но это божественное воздѣйствіе не охранило толкователей повѣсти Моисея. Св. отцы, толковавшие книгу—Бытія, руководились познаніями о природѣ своихъ современниковъ и повторяли многія ихъ заблужденія. Ортоланъ пытался представить, что астрономическія и космологическія познанія въ первые вѣка христіанской эры стояли высоко, что тогда господствовали гелиоцентрическія идеи. Это—неправда. Мысль о сферичности земли, возникшая за сотни лѣтъ до Р. Х. и смутно высказывавшаяся уже многими, со времени Аристотеля приняла форму научной теории, но идея движенія земли тогда совсѣмъ не существовало въ философскомъ и научномъ обиходѣ. Вотъ сущность космологіи, которою руководились мыслители въ отеческую эпоху. Міръ дѣлился на двѣ обособленныя системы: небо съ равномерными круговыми движеніями эфира и земля съ измѣнчивыми прямолинейными взаимоположными движеніями элементовъ; первое—средоточіе всего совершеннаго, соразмѣрнаго и неизмѣннаго, послѣдняя—вмѣстилище несовершенства и вѣчно измѣнчиваго разнообразія. Въ то время, какъ земныя единичныя существа возникаютъ и исчезаютъ, пріобрѣтаютъ и теряютъ качества, увеличиваются и убываютъ, созвѣздія не возникаютъ и не исчезаютъ; подобно небеснымъ богамъ, они не подвергаются никакому измѣненію и движутся въ неизмѣнномъ вращеніи по разъ навсегда опредѣленнымъ путямъ. Вокругъ неподвижной земли вращаются шарообразныя сферы, на ближайшей изъ нихъ укрѣплена луна, на слѣдующихъ—солнце, пять планетъ и, наконецъ, на самой отдаленной—неподвижныя звѣзды. Принимая во вниманіе, что взаимное положеніе звѣздъ остается неизмѣннымъ, для нихъ полагали одну общую сферу. Напротивъ, для объясненія уклоненія планетъ

отъ правильнаго пути приписывали каждой изъ нихъ множество сферъ, зависящихъ другъ отъ друга, причемъ представляли, что данная планета всегда прикрѣплена къ низшей изъ этихъ сферъ. При развитіи этой теоріи Аристотель насчиталъ въ общемъ 55 сферъ ¹⁾. Впослѣдствіи теорія Аристотеля уступила мѣсто эпицикламъ Птолемея.

Св. отцы въ своихъ толкованіяхъ Библейскаго ученія о природѣ руководились несамостоятельными изслѣдованіями природы, но сочиненіями о природѣ греческихъ философовъ. Св. Василій Великій руководился Аристотелемъ. Вслѣдствіе этого многія заблужденія Стагирита мы видимъ повторенными въ шестодневѣ. Ученіе о произвольномъ зарожденіи, о возникновеніи ужей изъ тины, мышей и жабъ отъ дождя, о своеобразныхъ свойствахъ льва, все это св. Василій излагаетъ, довѣряясь на слово греческимъ зоологамъ, и ошибки, въ которыя онъ при этомъ впадаетъ, такъ велики, что даже русскій переводчикъ восемнадцатаго столѣтія счелъ нужнымъ оговорить ихъ, замѣтивъ, что отвѣтственность за нихъ должна быть сложена съ св. Василія, такъ какъ „его обманули греческіе писатели“. Послѣдующіе отцы и вообще многіе церковные писатели поступили еще проще: они не читали греческихъ философовъ, они только читали св. Василія. Никто не посмѣетъ упрекать ихъ за то, что они отъ своего великаго дѣла — религіозно-нравственнаго перевоспитанія человѣчества не отнимали часовъ, чтобы разсматривать звѣзды или цвѣты. Они не имѣли времени изучать природу, но вслѣдствіе этого они и мало знали ее. Они брали готовое (языческое) ученіе о природѣ, но они освѣщали его христіанскимъ свѣтомъ. Все то, что имъ казалось въ философскихъ ученіяхъ несогласнымъ съ христіанскою вѣрою, они отбрасывали, какъ заблужденіе. Они настойчиво развивали въ своихъ твореніяхъ мысль о Промыслѣ въ міровой жизни, о цѣлесообразности. Въ ихъ разсужденіяхъ о природѣ имѣетъ незыблемое значеніе та религіозно-нравственная точка зрѣнія, съ которой они оцѣнивали явленія, но ихъ описанія къ объясненія явленій не имѣютъ значенія. Ортоланъ выдергиваетъ изъ ихъ твореній отдѣльныя мѣста, которыя взятая внѣ контекста являются въ сущности неясными, но

¹⁾ Теорія Аристотеля наложена въ его сочиненіи „De coelo“.

онъ толкуеть ихъ въ желательномъ для себя смыслѣ, и у него получается, что св. Василій раздѣляль гипотезу міроваго эфира, а бл. Августинъ училь о движеніи земли. И тотъ и другой писатель, прозрѣвая можетъ быть многое въ судьбахъ человѣчества, едва ли предвидѣли, что когда-нибудь появятся тѣ ученія, сторонниками которыхъ называетъ ихъ Ортоланъ. Но Ортоланъ вѣрно отмѣтилъ, какъ замѣчательное достоинство св. отцовъ, что они никогда не догматизировали своихъ воззрѣній на природу или своихъ толкованій библейскаго ученія о природѣ. Въ этомъ отношеніи они стоятъ неизмѣримо выше многихъ философовъ нашихъ дней. Последніе самыя смѣлыя естественно-научныя гипотезы провозглашаютъ истинами, добытыми наукой, и на нихъ, какъ на непоколебимомъ фундаментѣ, строятъ свои системы. Св. отцы проявляли необычайную осторожность. Весьма различно толковали они Моисеево повѣствованіе о твореніи міра, но они не порицали другъ друга за различіе взглядовъ (св. Григорій Нисскій, св. Афанасій Александрійскій отрицали буквальное пониманіе 1-й главы книги Бытія, напротивъ, богословы антиохійской школы—и во главѣ ихъ св. Златоустъ—настаивали на немъ) и не препятствовали никому производить самостоятельныя изслѣдованія природы. Результаты этихъ изслѣдованій они принимали и привѣтствовали. Живи они во времена Коперника или Галилея, они несомнѣнно приняли-бы новое геліоцентрическое ученіе и своимъ авторитетомъ освятили бы его и облегчили его распространеніе. Вѣдь, своимъ авторитетомъ они поддерживали геоцентрическую космологію. При этомъ замѣчательно, что св. отцы никогда не принимали гипотезу во всѣхъ ея мелочныхъ и странныхъ подробностяхъ. Та пестрота и сложность міропостроенія, которую, напримѣръ, предполагалъ въ своей космологической системѣ Аристотель, ихъ умамъ всегда представлялась подозрительной. Св. отцы глубоко выяснили себѣ идею всемогущества и премудрости Божіей. Съ этой идеей неразрывно связана мысль, что Богъ наилучшихъ цѣлей достигаетъ наипростѣйшими средствами. Премудрость проявляется въ простотѣ. Это положеніе проходитъ чрезъ весь шестодневъ свят. Василія, его можно найдти въ твореніяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго (напр., при разсужденіи о размноженіи рода человѣческаго) и у другихъ отцовъ.

Вотъ почему они должны были думать, что 55 сферъ Аристотеля слишкомъ много, и что Господь Богъ управляетъ движеніемъ небеснаго механизма при помощи гораздо меньшаго числа началъ. Такъ, у отцовъ если и не было многихъ и правильныхъ знаній о природѣ, то у нихъ были глубоко-вѣрные руководящіе взгляды на изслѣдованіе природы. Они догадывались, что въ природѣ долженъ дѣйствовать принципъ наименьшаго дѣйствія. И этимъ обстоятельствомъ не только опровергается тотъ взглядъ, что религія враждебна положительному знанію, но утверждается, что религія освящаетъ и благословляетъ истинную науку и способствуетъ ей.

Этотъ тезисъ всецѣло утверждается и Ортоланомъ. Съ нимъ согласится и всякое вѣрующее сердце. Мы позволили себѣ только отмѣтить, что при разсужденіи о взаимно-отношеніяхъ астрономіи и богословія. Ортоланъ придаетъ преувеличенное значеніе нѣкоторымъ гипотезамъ и преувеличиваетъ познанія древнихъ въ области точныхъ наукъ. Но эти недостатки его книги не могутъ быть признаны имѣющими важное значеніе. Гипотезы, которымъ онъ слѣдуетъ, не заключаютъ въ себѣ ничего враждебнаго религіи, а его преувеличенная оцѣнка знаній древнихъ во всякомъ случаѣ лучше и благороднѣе допускаемаго многими глумленія надъ представленіями древнихъ. Это глумленіе болѣе позорно, чѣмъ глумленіе Хама надъ отцомъ и оно даетъ основаніе и поводъ дѣтямъ глумящихся смѣяться надъ убѣжденіями и теоріями своихъ отцовъ. Вотъ почему мы нерасположены ставить Ортолану въ серьезную вину указанные недостатки его книги. Въ его изслѣдованіи есть недостатки болѣе серьезные и есть промахи, невѣрные утвержденія и ошибочныя возрѣнія, имѣющія, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе важное значеніе. Къ разбору ихъ мы теперь и обратимся.

Однимъ изъ достоинствъ книги Ортолана является ея благородный тонъ. Будучи западникомъ, онъ съ уваженіемъ цитируетъ восточныхъ писателей и, полемизируя съ писателями враждебными христіанской религіи, онъ, по его собственному выраженію, идетъ только противъ ученій, но не противъ лицъ; по отношенію къ послѣднимъ онъ не позволяетъ себѣ никакихъ оскорбительныхъ и рѣзкихъ выраженій. Но за всѣмъ тѣмъ особенности католическаго исповѣданія налагаютъ особый отпечатокъ на книгу Ортолана, за-

ставляютъ его въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступать отъ правды и безпристрастія и слѣдовать мнѣніямъ неосновательнымъ и страннымъ.

Сознательно, или безсознательно, но Ортоланъ представляетъ далеко не въ вѣрномъ свѣтѣ процессъ Галилея. Ортоланъ говоритъ, что Галилей плохо обосновалъ свою теорію и имѣлъ смѣлость предложить свое толкованіе Библии, чѣмъ раздражилъ конгрегацию; папа, по представленію Ортолана, былъ въ этомъ дѣлѣ непричемъ. Процессъ Галилея изученъ въ настоящее время во всѣхъ подробностяхъ. Дѣло было не совсѣмъ такъ. Преслѣдованіе и осужденіе Галилея совершалось и совершилось по волѣ и желанію папы, и мы лично думаемъ, что на мѣстѣ папы и каждый, имѣющій силу, поступилъ бы также съ Галилеемъ, а можетъ быть многіе поступили бы и гораздо хуже. Геній Галилея стоялъ неизмѣримо выше его нравственнаго мужества; менѣе, чѣмъ кто-либо, Галилей былъ способенъ бросить въ лицо суду знаменитую, но легендарную фразу „*e pur si muove*“, но онъ былъ очень способенъ дѣйствовать хитростью, лукавствомъ и дурачить тѣхъ и насмѣхаться надъ тѣми, которые были къ нему искренно расположены, хотя и не раздѣляли его воззрѣній, Галилей родился въ 1564 году и до 1632 г. жилъ въ чести и славѣ и не подвергался преслѣдованію. Его взгляды не были тайною, и однако даже папа Павелъ V, глубоко не сочувствовавшій этимъ взглядамъ, оставлялъ его въ покоѣ. Преслѣдованіе на Галилея воздвигъ папа Урбанъ VIII (ранѣе кардиналъ Маффео Барберини)—личный другъ Галилея. Какъ это случилось? Когда Урбанъ VIII вступилъ на престолъ, Галилею представилось, что теперь наступило удобное время для того, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ наложеннаго запрещенія на книгу Коперника „*De revolutionibus orbium coelestium*“, запрещенія, должно замѣтить, наложеннаго, благодаря рѣзкой полемикѣ Галилея съ противниками. Съ этою цѣлію онъ путешествовалъ къ папѣ изъ Флоренціи въ Римъ. Онъ былъ принятъ весьма любезно, его осыпали подарками, къ его покровителю, тосканскому герцогу Фердинанду II папа отправилъ письмо, въ которомъ восхвалялъ не только дарованія Галилея въ наукѣ, но и его любовь къ благочестію. Но естественно, что папа не обнаружилъ особенной охоты къ астрономи-

ческимъ диспутамъ; должно быть онъ одинаково не зналъ, какъ теоріи Птолемея, такъ и Коперника; Галилею въ спорахъ съ нимъ онъ добродушно возражалъ, что ангелы легко могутъ двигать звѣзды такъ, какъ онѣ кажутся намъ двигающимися, что Богъ Всемогущъ и Его нельзя подчинять закону необходимости. Галилей не добился снятія запрещенія съ книги Коперника, но самъ остался у папы въ полной милости. Что же онъ сдѣлалъ послѣ этого? Онъ написалъ книгу „Dialogo intorno ai massimi sistemi del mondo“, въ которой два лица—Сагредо и Сальвиати (имена дѣйствительныхъ друзей Галилея) излагаютъ и объясняютъ возрѣнія Галилея третьему собесѣднику Симпличіо (простякъ, дуракъ), который ихъ оспариваетъ. Діалогическая форма сочиненія оставляла въ тѣни автора. Читателю представлялось самому оцѣнить аргументы собесѣдниковъ, а книга послѣднее слово оставляла за Симпличіо, который изрекалъ, что „Богъ Всемогущъ, и Его нельзя подчинять закону необходимости“. Галилею, къ его несчастью, удалось напечатать книгу (цензоръ не понялъ ея и въ послѣдствіи пострадалъ за свое непониманіе). Заинтересованные читатели безъ труда узнали въ Симпличіо Урбана VIII и донесли о книгѣ Галилея послѣднему. Папа былъ раздраженъ, и Галилей былъ преданъ суду. Насколько можно судить по всему, ему не столько пришлось претерпѣть лишеній и страданій, сколько нравственнаго униженія. Астрономъ, насмѣхавшійся надъ Симпличіо, долженъ былъ торжественно, стоя на колѣнахъ, произнести предъ священноію конгрегаціей, между прочимъ, слѣдующія слова: ...я „былъ сильно подозрѣваемъ въ еретическомъ мнѣніи, что солнце стоитъ неподвижно въ центрѣ міра, а не земля, которая движется. Поэтому, желая изгладить изъ мысли вашихъ преосвященствъ и всякаго католика такое сильное, но справедливое противъ меня подозрѣніе, съ чистымъ сердцемъ и искреннею вѣрою, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутыя ереси и заблужденія, и вообще всякое другое заблужденіе, противное ученію св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего, могущаго возбудить противъ меня подобныя подозрѣнія, и если узнаю о какомъ-либо еретикѣ или подозрѣваемомъ въ ереси, то донесу о немъ сему святому

судилищу—инквизиціи или инквизитору того мѣста, въ которомъ буду находиться“¹⁾... Должно полагать, что это печальное отреченіе вполнѣ удовлетворило Урбана. Галилей былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму, но по волѣ папы былъ освобожденъ изъ нея, не пробывъ въ ней и двухъ сутокъ. Обсуждая теперь, два съ половиною столѣтія спустя, этотъ процессъ, нельзя признать, чтобы папа поступилъ въ этомъ дѣлѣ съ крайнею жестокостію, или что Галилей былъ безусловно правъ. Но Ортоланъ устраняетъ изъ этого процесса папу, потому что ему хочется, чтобы римскій первосвященникъ сохранялъ престижъ непогрѣшимости. Папа, мстящій за личное оскорбленіе, этотъ образъ не по душѣ католическому богослову. Ортоланъ является въ своемъ разсужденіи о Галилеѣ болѣе католикомъ, чѣмъ это требуется отъ католика. Нѣкоторыя выраженія Ортолана о непогрѣшимости можно понять въ томъ смыслѣ, что папа непогрѣшимъ и въ научныхъ вопросахъ, но этого не признаетъ и ватиканское вѣброученіе 70-го года.

Вообще разбирающій *sine ira et studio* самыя странныя гипотезы и теоріи, Ортоланъ только однажды измѣняетъ своему спокойному тону. Это, когда онъ говоритъ о космологическихъ представленіяхъ Козьмы Индикоплевста. Онъ сильно пронизуруетъ надъ монахомъ-географомъ и даже изложенію его взглядовъ предпосылаетъ слова Горация: „*gissum teneatis, amici*“. Мы думаемъ, что Ортоланъ не правъ въ этомъ случаѣ. Воззрѣнія Гратри, Шаботи и Делетра, къ которымъ Ортоланъ относится благосклонно, заслуживаютъ гораздо болѣе порицанія и смѣха, чѣмъ ученіе Козьмы. Эти католическіе писатели, предложившіе свои фантастическія теоріи, обнаружили самоубѣжденіе, нисколько не оправдываемое, ихъ

¹⁾ Процессу Галилея посвящена обширная литература. Въ настоящее время ему обыкновенно всегда отводится мѣсто въ католическихъ учебникахъ по апологетикѣ и основному Богословію. На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о немъ можно найти въ переводныхъ книгахъ Араго (біографія знаменитыхъ астрономовъ..., астрономіи), въ статьяхъ Вредихина „Процессъ Галилея“ (Русскій Вѣст. 1871, № 8 и 1876, № 12), у Скабалавича—„Судъ надъ Галилеемъ“ (Христ. Чтен. 1876.). Интересно, что Ламброзо, котораго нельзя заподозрить въ симпатіяхъ къ католицизму, утверждалъ, что Галилей въ нравственномъ отношеніи былъ ничтожествомъ, что онъ даже обкрадывалъ своихъ учениковъ, присвоивая себѣ ихъ открытія.

повидимому, небогатыми дарованіями, они обнаружили претензіи знать и видѣть то, чего не знали и не видали другіе, и они показали, что они не могутъ усвоить ни христіанской вѣры, ни данныхъ науки. Что касается до Делегра, то его теорія настойчиво внушаетъ мысль, что онъ былъ душевно больнымъ человѣкомъ. Однако Ортоланъ ко всемъ этимъ писателямъ относится съ почтеніемъ и не находитъ достаточно выражений, чтобы поглумиться надъ Козьмою. Но мы думаемъ, что на немъ лежала обязанность показать неосновательность глумленій надъ Козьмою историковъ географіи. Этотъ смѣлый и предпримчивый мореплаватель оказалъ землевѣдѣнію очень много услугъ и во всякомъ случаѣ его нельзя сравнивать съ пронизирующими надъ нимъ жалкими географами, вся заслуга которыхъ заключается въ томъ, что они знаютъ о чужихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ. Въ своей „христіанской топографіи“ Козьма сообщилъ много новыхъ точныхъ и чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній объ Индіи, Эіопіи, объ африканской и индійской фаунѣ. Изъ Александріи, откуда онъ былъ родомъ (вслѣдствіе этого его иногда и называютъ египтяниномъ), онъ совершалъ отдаленныя путешествія во всѣ извѣстныя страны древняго міра и обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ передавалъ съ безусловною правдивостію. Въ его сочиненіи находятся важныя указанія на отношенія Египта, Индіи и Китая къ Римской имперіи (наприм. описаніе двухъ надписей на памятникѣ въ Эіопскомъ городѣ Адулисъ, нынѣ Зулла, нѣсколько къ югу отъ Массовы). Его языкъ, по отзыву специалистовъ, отличается ясностію и легкостію необычайными для византійца VI столѣтія. Свою книгу Козьма снабдилъ рисунками ¹⁾. Теоретическія представленія Козьмы, конечно, не имѣютъ значенія. Но думаемъ, что въ VI столѣтіи они стояли не ниже многихъ другихъ гипотезъ и что на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на ничѣмъ не управляемый полетъ фантазіи. Самое представленіе земли въ видѣ продолговатаго четырехугольника для географа VI столѣтія имѣло основаніе не въ своеобразно только истолкованныхъ посланіяхъ

¹⁾ Краткія свѣдѣнія о Козьмѣ см. въ энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона. 30 полутомъ. О миниатюрахъ на рукописяхъ его см. Кондакова „Исторія византійскаго искусства“ (стр. 86 и слѣд.).

св. Павла, но и въ собственныхъ наблюденіяхъ. Александрійскій путешественникъ того времени гораздо болѣе и далѣе ѣздилъ на востокъ и на западъ отъ своей родины, чѣмъ на сѣверъ и на югъ. Пространство отъ Гибралтара до Китая, вѣдь, несравненно значительнѣе разстоянія отъ Дуная до Эѳіопіи. Предположеніе Козьмы, что на западѣ и сѣверѣ міра находятся возвышенія, за которыми солнце скрывается при своемъ движеніи по небу, есть примитивное объясненіе восхода и заката, для своего времени нелишенное правдоподобія. Его предположеніе, что на сѣверѣ есть громадная конусообразная гора, за вершиною которой солнце ходитъ лѣтомъ, за основаніемъ (гораздо на большее время скрывающимъ солнце, чѣмъ вершина) зимою, когда оно движется ниже, является остроумнымъ объясненіемъ различной продолжительности дней и ночей въ различныя времена года. Его гипотезы очень просто и ясно объясняли астрономическія явленія. Онѣ оказались невѣрными, но сколько еще гипотезъ, которыя существуютъ теперь въ наукѣ, окажутся совершенно несостоятельными. Неужели онѣ заслужать только глумленіе?

Но во всякомъ случаѣ если надъ кѣмъ смѣяться, то болѣе заслуживаетъ смѣха не тотъ, кто предложилъ несостоятельное объясненіе, а тотъ, кто ему повѣрилъ. Въ этомъ отношеніи любопытно, что космологическія концепціи Козьмы не встрѣтили сочувствія въ Византіи. За то на католическомъ западѣ онѣ пользовались большимъ распространеніемъ. Любили и на Руси почитать „книги о Христѣ обіемлюща весь міръ“ или „книги Козьмы нарицаемаго Индикоплова, избраны отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козьмою“, но на Руси было много книгъ, и образованіе стояло низко. Неудивительно, что и книги Козьмы были здѣсь жадно глотаемую духовною пищею. Но почему западъ тяготѣлъ къ его космографическимъ идеямъ?—мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ немного ниже.

Теперь отмѣтимъ еще одну и послѣднюю погрѣшность Ортолана въ исторической части его труда. Говоря о томъ, гдѣ св. отцы помѣщали адъ и рай, и отмѣзая, что адъ они обыкновенно предполагали находящимся въ центрѣ земли. Ортоланъ прибавляетъ (р. 123), что рядомъ съ адомъ они

помѣщали чистилище. Но кто изъ восточныхъ отцовъ далъ ему такую топографію? Онъ не приводитъ ни одного цитата, но вообще для ознакомленія съ эсхатологическими доктринами отцовъ отсылаетъ читателя къ курсу Догматики Суареца. Однако не обращаясь къ Суарецу, уже изъ книги Ортолана можно узнать, почему онъ приписалъ изложенныя представленія св. отцамъ. „Рядомъ съ адомъ, говоритъ онъ, они (св. отцы и вообще церковные писатели) помѣщали чистилище, потому что большинство отождествляло его очистительное пламя съ тѣмъ, которое будетъ жечь въ жилищѣ вѣчныхъ мученій“, т. е., говоря иначе, св. отцы сливали чистилище съ адомъ, потому что не предполагали существованія никакого чистилища. Какъ католикъ, Ортоланъ ищетъ у восточныхъ отцовъ ученія о чистилищѣ и думаетъ, что они ставили и рѣшали вопросъ о томъ, гдѣ оно находится. Не найдя у нихъ этихъ изысканій, онъ по своимъ соображеніямъ опредѣляетъ, какъ они должны были рѣшить вопросъ, и свое собственное рѣшеніе выдаетъ за отеческое. Здѣсь мы наглядно видимъ, какъ конфессіональныя убѣжденія препятствовали автору оставаться безусловно вѣрнымъ правдѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.
